

НАПРАВЛЕНИЕ 7. ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОТЕРАПИЯ

С.В. Березин

Пространство мифа – пространство бессознательного

Психология всегда интересовалась мифом. В различных направлениях современной психологии этот интерес выражен по-разному, в наибольшей степени проявляя себя в психодинамическом направлении, восходящем к идеям З. Фрейда, и культурно-исторической психологии. Так, одним из центральных понятий психоанализа является Эдипов комплекс, а К.Г. Юнг настаивал на том, что процесс индивидуации, являющийся, с его точки зрения, высшей целью человеческого существования, реализуется через ряд «испытаний» типологически сходных с архаическими посвящениями [Юнг, 1996].

Миф интересен психологии как объект интерпретации, поскольку является умственным и словесным следом «не только того, о чем думал и что чувствовал древний человек, но и того, как он думал» [Дьяконов, 1990, с. 13]. С этой точки зрения, анализ мифов есть средство выявления первичных структур сознания, исходной и искомой «анатомии» человеческого ума.

Как показал К. Леви-Стросс, ведущую роль в семантике мифа играют бинарные оппозиции (верх – низ; мужское – женское; жизнь – смерть и др.). С.З. Агранович и И.В. Саморукова в своих исследованиях обосновывают предположение о том, что и культура базируется на асимметричных бинарных оппозициях, соединенных медиативным

элементом [Агранович, Саморукова, 2001]. У нас есть основания полагать, что и сознание структурно основывается на асимметричных бинарных оппозициях [Агранович, Березин, 2005]. Мы убеждены, что совпадение это неслучайно и объясняется строением головного мозга человека, важнейшее отличие которого от мозга высших животных заключается в функциональной асимметрии его полушарий [Там же]. Не исключено, что именно функциональная асимметрия головного мозга человека является причиной бинарности и сознания, и семантики мифа, и кардинальных кодов культуры.

Миф интересен психологии и как инструмент интерпретации, поскольку, как показали, используя разную доказательную базу К.Г. Юнг и М. Элиаде, архаические мифы являются внеисторическими архетипическими сюжетами, участвующими в детерминации поведения современного человека [Элиаде, 2000; Элиаде, 2002; Юнг, 1996]. Например, многие особенности поведения детей в пространстве современного города наилучшее объяснение находят, если рассматривать их как закрепившиеся в детской субкультуре реликты архаическим инициаций и связанных с ними мифов [Осорина, 1999; Чередникова, 2002].

В последние несколько десятилетий интерес психологии к мифу возрастает, что в значительной степени связано с психотерапевтическими возможностями мифа и архаических инициаторных практик. К слову сказать, психотерапевтическая функция мифа в древних сообществах неоднократно отмечалась культурологами [Армстронг, 2005] и религиоведами [Элиаде, 2000; Элиаде, 2002].

Освоение психотерапевтического потенциала архаических мифов для современного человека в самой психологии находится в начальной стадии и иницировано не столько логикой развития науки, сколько потребностями практики. Примерами такой практики могут быть экзистенциально-инициальная психотерапия [Дюркхайм, 1992], культурно-антропологическая семейная психотерапия [Зельцер, Зельцер, 2002], в том числе и ландшафтная аналитика, опыт которой мо-

жет быть использован как аргумент в пользу тезиса о психотерапевтическом потенциале мифа.

Ландшафтная аналитика – это метод групповой психотерапии, основанный на рефлексии и анализе мыслей, эмоций и чувств, возникающих у человека в процессе сосредоточенного контакта с ландшафтным объектом [Березин, Исаев, 2009].

Отечественная психология лишь совсем недавно обратилась к изучению проблемы «ландшафт и человек». Будучи одним из аспектов фундаментальной проблемы пространства, она до недавнего времени находилась на периферии психологических исследований. Несмотря на то, что категория *пространство* и семантически связанные с ней категории *поле*, *среда*, *граница*, *территориальное поведение* активно используются в различных направлениях и отраслях психологии, человек и его экзистенциальные отношения с ландшафтом остаются мало изученными.

Есть все основания предполагать, что проблема пространства со временем займет в психологии одно из центральных мест. И дело не только в динамичном развитии различных направлений средовой психологии (психологии среды). Не за горами то время, когда психология обратится к реальному изучению того, что называется внутренним мир личности. Если при этом понимать внутренний мир именно как мир, а не как совокупность каким-то образом взаимосвязанных психологических феноменов, то очевидно, что без использования категории *пространство* описать этот мир будет практически невозможно.

Ландшафт как пространство. Пространство, в котором живет человек, всеобъемлюще. М. Хайдеггер выразил эту мысль точно и просто: от пространства «нельзя отвлечься, перейдя к чему-то другому». Однако, само пространство может быть воспринято благодаря тому, что элементы наблюдаемого ландшафта выступают как опорные точки его структурирования. Разница в восприятии звездного ночного и безоблачного дневного неба очевидна. Ночное небо вос-

принимается как сфера, как свод, как имеющее протяженность, глубину, направление и даже форму благодаря наблюдаемым на нем звездам. Восприятие географического пространства осуществляется во многом благодаря восприятию формы, величины, взаимного расположения ландшафтных объектов, их удаленности и направления, в котором они находятся. Для человека природное пространство – это прежде всего ландшафт. Именно компоненты ландшафта, как вмещающего человека пространства, были той исходной данностью, которая использовалась для выживания и подлежала осознанию. Процессы осознания естественного ландшафта начались с сакрализации и мифологизации его элементов. Приобретая семантику и образность, природный ландшафт преобразовывался в коллективном сознании, все больше и больше превращаясь в ландшафт-текст.

Со временем, «обрастая смыслами», ландшафтные объекты приобретали смысловую нагрузку. Гора переставала быть просто горой, она становилась жилищем богов или местом шабаша нечистой силы; пещера переставала быть жилищем людей и стала восприниматься как вход в царство мертвых... Некоторые ландшафтные объекты одушевлялись и воспринимались как живые существа. Например, родники, ключи, источники... Римская цивилизация знаменита своими техническими достижениями. Однако водоразборные колонки, строившиеся по всему Риму для снабжения населения водой, не имели кранов. Иногда это создавало значительные неудобства, но краны на колонки не ставили. Кран как устройство был изобретен римлянами давно. Краны не ставились, потому что источник мыслился живым, и закрыть кран означало бы пресечь его жизнь, то есть убить.

Постепенно природный ландшафт в коллективном сознании становился все более и более подробным текстом, запечатлевшим мифологию связанного с ним и формирующегося в нем человеческого коллектива. С другой стороны, глаз путешественника, как глаз-репейник, выискивает в ландшафте следы присутствия человека. Эти следы многое могут *рассказать* о ментальности тех, кто их оставил. Нако-

нец, восприятие ландшафта всегда несвободно от проецирования на него субъективного содержания. Эти процессы визуального и сенсорного проецирования бессознательны. Мало кто отдает себе отчет в *таком* акте видения. Воспринимая ландшафт и его объекты, человек одновременно проецирует на них свою культурно обусловленную субъективность. Мы читаем ландшафт-текст в зависимости от того, как нас научили читать его универсальные знаки.

В ландшафтной аналитике всегда важно и коллективное, и индивидуальное прочтение ландшафта.

Культурный ландшафт, а точнее было бы сказать *природно-культурный ландшафт*, возникает в результате синкретического взаимодействия природы и культуры. Предки человека жили в природном ландшафте и были его частью. Существовавшее изначально в виде сакрализации и мифологизации, осознание ландшафта наполнило его ментальными смыслами и артефактами. Не исключено, что любой ландшафт, даже казался бы дикий, является для человека культурным, то есть насыщенным и насыщаемым образами и смыслами.

Преобразование естественного ландшафта в культурный выражается в изменениях растительного и животного мира, рельефа, климата и других компонентов, исходно принадлежащих природному ландшафту. Однако преображаясь порой весьма существенно, природа оставляет в ландшафте всегда заметный след, она пребывает в нем вечно либо в виде рельефа, либо в виде продуктов ментальной активности: топонимы, этнонимы, ассоциации. Природа пребывает всегда не только в культурном ландшафте, но и в творениях самой культуры. Ландшафт в преобразованном виде «живет» в архитектуре культовых сооружений. Как пишет И. Можейко в книге «1185», «индийский храм произошел от горы и пещеры в ней. Такое происхождение легко прослеживается в самой архитектуре храма. Индийский средневековый храм внешне выглядит грузно, массивно, тяжело, его фасады раздроблены и измельчены украшениями и скульптурами. Невольно создается ощущение испещренной трещинами скалы. Внутри этой ог-

ромной горы, под ее многотонной тяжестью находится низкая, темная пещера – внутреннее помещение храма». Совсем по-другому тот же автор описывает храмы Бирмы. Однако и здесь в устройстве храма легко обнаруживается присутствие ландшафта, выраженное в идее границы. «Храмы Бирмы внешне выглядят очень просто. Само здание имеет форму куба, над которым ступенчатой пирамидой поднимается крыша с сикхарой наверху. Стены здания – светлые и чистые – украшены пышными порталами. Внешний облик храма резко контрастирует с его внутренним убранством. Входящий внутрь храма попадает в темный, тесный, загадочный мир с узкими коридорами и небольшими помещениями. Статуи богов и святых стоят в полумраке и лишь узкие полоски света подают на их загадочно улыбающиеся лица. Резкий контраст между внешним – светлым, простым, открытым, понятным – и внутренним – темным, сложным, закрытым, загадочным – устройством храма подчеркивает отличие между внешним миром и миром души. Пересекающий границу миров неизбежно оказывается в ином состоянии сознания» [Можейко, 1989, с. 115].

Размышляя о взаимодействии и взаимообусловливании культуры и природы, И.И. Свирида пишет: «Естественный ландшафт повлиял на структуру лабиринта – одну из наиболее многозначных пространственных архитектурных форм. Его происхождение связано как с ландшафтными элементами, так и с мифологией. Она сама обнаруживает зависимость от ландшафта и его рельефа, о чем свидетельствовала крито-микенская культура с ее легендарным, как полагают ученые, Кносским лабиринтом и мифом о Минотавре» [Свирида, 2007, с. 23]. Отметим, кстати, что лабиринт в коллективном сознании является поздним (и потому уже отчасти структурированным) воплощением хаоса, встреча с которым и для человека, и для человеческого коллектива всегда сопровождалась если не драматическими последствиями, то уж драматическими переживаниями точно [Агранович, Березин, 2005].

Еще раз обратим внимание на то, о чем говорит И.И. Свирида: зависимость мифологии от ландшафта и его рельефа. Если иметь в виду, что архаическое сознание существовало в форме мифа [Дьяконов, 1990], то можно предположить наличие глубинной генетической связи между ландшафтом (ландшафтными объектами мифа) и сознанием. Мы полагаем, что эти связи являются архетипическими конструктами, доступ к которым открывается в процессе *переживания* контакта с ландшафтными объектами.

С другой стороны, разнообразные продукты ментального освоения ландшафта не только фиксируют природное в культуре, но и опосредуют восприятие природы. Локус интимного соединения культурного и природного начал, похоже, располагается в индивидуальном сознании. Именно здесь встречаются природный ландшафт как пространственная среда и природный ландшафт как объект и результат восприятия. Здесь естественный ландшафт служит основой и стимулом для генерации новых образов и смыслов. «Естественный ландшафт, – пишет И.И. Свирида, – включен в экзистенциальные отношения природы и культуры, служит их полем и порождающим началом, в результате выступая в функции субъекта» [Свирида, 2007, с. 11].

Субъективизация ландшафта. Проецирование субъективного содержания на внешние, в том числе и ландшафтные объекты, наполняет их субъективностью; они начинают восприниматься как живые и наделенные чувствами и способностью реагировать. Целый «список» фантазий и бессознательных комплексов и страхов проецируются на природные объекты, оживляя их. Процесс этот не носит одностороннего характера. Речь идет именно о взаимодействии человека и ландшафтных объектов. В условиях ландшафтной аналитики отмечаются схожие поведенческие и эмоциональные изменения у совершенно разных людей, возникающие в процессе их контакта с конкретным объектом. Наиболее выраженная динамика поведения и состояний наблюдается в ситуации контакта человека с теми объектами, которые еще со времен архаики служили сакральными символами различ-

ного уровня. Это отдельно стоящие или выделяющиеся каким-либо признаком холмы и горы, скалы и камни, внушительных размеров деревья, пещеры, источники воды и др. Сходная эмоциональная динамика, направленность которой определяется ландшафтным объектом и не зависит от других мыслимых переменных, не оставляет сомнений в том, что является ее источником.

Проблема субъектификации ландшафтных объектов, конечно, еще ждет своей психологической разработки. Возможность субъектной позиции природного объекта в системе «индивид – среда» обоснована в работах С.Д. Дерябо и В.А. Ясвина [Дерябо, 1995; Дерябо, Ясвин, 1996]. Однако, процесс субъектификации, как нам кажется, нуждается не столько в обосновании его возможности и/или необходимости, сколько в его объяснении.

Размышляя о взаимоотношении человека и природы, В.И. Панов обосновывает идею «целостного представления системы «индивид – среда» как единого, совокупного «субъекта», реализующего в своем становлении самоосуществление общеприродных закономерностей становления форм материального бытия» [Панов, 1998]. В этом случае, по мнению В.И. Панова, тип взаимодействия между компонентами системы «индивид – среда» можно обозначить как субъектно-порождающий. Развивая рассуждения в этом направлении, мы могли бы прийти и к обоснованию, и к объяснению порождающей функции ландшафта. Мы этого делать не будем. Для нас это важный, но слишком *общий* вопрос. Мы скажем о другом. Некоторые ландшафтные объекты, а именно те, которые использовались в практике инициации и шаманских посвящений, которые сакрализировались еще во времена глубокой архаики и как важная часть вошли в структуру мифов и ритуалов, порождают эмоциональные переживания и смыслы вполне конкретной направленности. Даже если представить себе человека каким-то фантастическим образом избежавшего знакомства с мифами, сказками, выросшего в стерильной и механической языковой среде, где речевые сообщения носили исключительно прагма-

тический смысл, то и в этом случае мы вряд ли ошибемся, попытаюсь представить себе какие эмоции и мысли будут толпиться в его голове на вершине горы; при входе в пещеру; на перекрестке дорог... Есть основание полагать, что некоторые ландшафтные объекты обладают по отношению к современному человеку выраженной *смыслопорождающей* функцией, сформировавшейся в процессе антропогенеза. Находясь в контакте с таким объектом, человек испытывает вполне предсказуемые переживания.

Контакт со смыслопорождающим ландшафтным объектом заставляет человека обратить внимание на те стороны его существования, которые в обычной жизни «зашумлены» социальной и бытовой активностью. В таких столь разных событиях обыденной жизни как развод, выход на пенсию, увольнение, провалы в карьере, уход детей из семьи, расставание с любимым человеком, переезд в другую местность, кризис среднего возраста очень сложно рассмотреть то общее, что присутствует в связанных с ними переживаниях – страх перед неизбежностью собственной смерти, одиночеством и абсолютной непредсказуемостью существования. «Факт смерти разрушает нас, идея смерти может нас спасти» [Ялом, 2005, с. 320]. Вытесняя из сознания неизбежность собственной смерти, человек вытесняет и идею смерти, осознание и принятие которой означало бы большую ответственность за каждое мгновение жизни [Там же].

Пещера воплощает в себе идею смерти непосредственно. Контакт с пещерой актуализирует у человека переживания, которые, по мнению И. Ялома, являются «наиболее действенным пограничным опытом». Нередко в таких переживаниях человеку открываются новые смыслы его бытия. Наши исследования показывают, что мощным смыслопорождающим потенциалом обладают ландшафтные объекты, которые включены в структуру ритуала, мифа, часто предстают в сновидениях, упоминаются в религиозных текстах, легендах, сказках и других фольклорных жанрах, использовались в практике инициаций, то есть, те объекты, которые *живут* в культуре.

В качестве возможных ориентиров активности в условиях ландшафтной аналитики могут быть предъявлены переживания смерти, одиночества, близости, искренности и подлинного участия. Возможность такого предъявления открывается благодаря особой смыслопорождающей функции ландшафта, сформировавшейся в процессе антропосоциогенеза.

Можно было бы сказать, что ландшафтная аналитика – это таинство встречи человека и гипертекста культуры.

Размышляя о месте и роли природного ландшафта в культуре и становлении человеческого сознания, И.И. Свирида пишет: «Ландшафт служит частью не только внешнего, но и внутреннего пространства человека» [Свирида, 2007, с. 23]. Встреча с такими ландшафтными объектами всегда сопровождается тонкими и глубокими переживаниями, рефлексия которых актуализирует в сознании человека содержание, которое в «суете городов и в потоке машин» (В. Высоцкий) вытесняется на его периферию. Вместе с тем, встреча с таким содержанием и связанными с ним переживаниями могут таить в себе некоторую угрозу для человека. Помещая их в фокус своего сознания, человек, конечно же, рискует. Этот риск связан с расширением осознания, а значит, и с преодолением границ определенности, и с встречей с собой другим. Углубляя контакт со смыслопорождающим ландшафтным объектом, человек совершает действия, подвигающие его за границы себя наличного к себе возможному. Пьер Жане назвал бы это «успешным подвигом». Заметим, что такие подвиги схематично очень близки к подвигам героев мифов. Совершающий подвиги становится Героем. Понимание того, что пространство мифа имеет ту же топику, что и пространство бессознательного, открывает возможность превратить путешествие по естественному ландшафту в путешествие по ландшафту собственной души.

Литература

1. *Агранович С.З., Березин С.В.* Ното amphibolos: Археология сознания. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2005. – 344 с.
2. *Агранович С.З., Саморукова И.В.* Двойничество. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001.
3. *Армстронг К.* Краткая история мифа. – М.: Открытый мир, 2005.
4. *Березин С.В., Исаев Д.С.* Ландшафтная аналитика: опыт трансдисциплинарной психотерапии. – Самара: Изд-во «Универс групп», 2009.
5. *Дерябо С.Д.* Природный объект как «значимый другой». – Даугавпилс, 1995.
6. *Дерябо С.Д., Ясвин В.А.* Экологическая педагогика и психология. – Ростов-на-Дону, 1996.
7. *Дьяконов И.М.* Архаические мифы Востока и Запада. – М.: Наука. Гл.редакция вост.лит-ры, 1990.
8. *Дюркхайм К.* О двойственном происхождении человека. – СПб.: Импакс, 1992.
9. *Зельцер В.Дж., Зельцер М.Р.* Культурно-антропологический подход к семейной психотерапии: мифы и магия // *Вопр.психол.* 2002. № 6. С. 93-103.
10. *Можейко И.* 1185. – М.: «Наука», 1989.
11. *Осорина М.В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. – СПб.: Питер, 1999.
12. *Панов В.И.* Психические состояния как объект и предмет психологического исследования // *Мир психологии.* Научно-методический журнал. – М.: Психолого-социальный институт НПО «МОДЭК», 1998.
13. *Свирида И.И.* Ландшафт в культуре как пространство, образ и метафора. В кн.: ландшафты культуры. Славянский мир. – М.: Прогресс-Традиция, 2007.

14. *Чередникова М.П.* Голос детства из дальней дали... (Игра, магия, миф в в детской культуре). – М.: Лабиринт, 2002.

15. *Элиаде М.* Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы, Священное и мирское. – М.: Ладомир, 2000.

16. *Элиаде М.* Тайные общества: Обряды инициации и посвящения. – Киев: София; М.: Гелиос, 2002.

17. *Юнг К.Г.* Структура психики и процесс индивидуации. – М.: Наука, 1996. – 200 с.

18. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. – М.: Независимая фирма «Класс», 2005.